ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1989

КИЯК Т. Р.

О ВИДАХ МОТИВИРОВАННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Проблематика мотивированности языковых знаков органически вошла в круг интересов целого ряда наук, и прежде всего социологии, психологии, семиотики, лингвистики, хотя в каждой из этих дисциплин терминирование данной категории и пределы ее функционирования различны. В настоящей работе вопросы мотивированности рассматриваются только с точки зрения лингвистики.

На современном этапе развития языковедческой науки особую важность приобретают исследования внутреннего механизма взаимозависимостей между планом выражения и планом содержания. Лингвисты разных направлений, как в нашей стране, так и за рубежом, все более убеждаются в ошибочности изолированного изучения этих уровней языка в отрыве друг от друга при решении кардинальных проблем теоретического и прикладного языкознания. Вплоть до настоящего времени лингвисты спорят относительно природы мотивированности языкового знака, возможностей исследования этой категории, свойств мотивированности и их отличий от характеристик других категорий. Мотивированность выступает иногда под различными наименованиями: «знак значения», «осмысленность внутренней формы», «обусловленность внутренними отношениями», «лексическая объективация», «словообразовательное значение», «мотивация», «мотивировка», «этимологическая структура слова» и др. Раскрытие этого понятия ищут то в диахронии, то в синхронии. Мотивированность приравнивают к внутренней форме или же разграничивают их. Ясно одно: мотивированность как языковое явление представляет собой отражение средствами языка одного или нескольких признаков предмета в его названии. При этом суть мотивированности не меняется, если в первую очередь подчеркиваются деривационные отношения между производным и производящим словами (см., например [1—19]).

Категория мотивированности является ключевой при рассмотрении вопросов взаимоотношения между внутренней формой и лексическим значением слова или выражения. При этом под внутренней формой лексической единицы мы понимаем умственный интериоризованный образ, потенциально абстрагирующий и отражающий в виде апперцепционного представления один или несколько существенных признаков денотата, вызываемых и фиксируемых в памяти носителя языка морфемной структурой слова или выражения [7]. Следовательно, внутренняя форма не сводится однозначно ни к инварианту значения, ни к этимологии слова, ни к лексическому значению, ни к мотивированности, ни к простой сумме составляющих морфем выражения. В свою очередь лексическое значение является объективным и относительно динамичным отражением денотата в сознании, социально обусловленной категорией, выступающей как система необходимых и достаточных концептуальных характеристик лексической единицы, которые ориентируют на соответствующее понятие о дан-

ном предмете и составляют его (понятия) интенсиональную основу. Для решения многих практических задач можно считать, что дефиниция слова способна в значительной степени вербально эксплицировать лексическое значение, являясь вместе с тем лишь мгновенным слепком эволюционирующего ядра интенсионала понятия (см. [6]: в работе Ю. С. Степанова описывается 16 типов определений).

Отношение между внутренней формой и значением в рамках проблемы мотивированности в значительной степени аналогично взаимосвязи целого и части языковых выражений. В части языкового целого проявляются или должны проявляться определенные признаки отражаемого понятия. Другие признаки частей не теряются в рамках целого, а фигурируют как потенциальные, но в данный отрезок времени качественно не реализованные возможности. Именно внутренняя форма обладает многими признаками, присущими понятию части в рамках языкового целого, если под целым подразумевать лексическое значение. Форма (как и часть) проявляет те свойства, которые необходимы для образования значения. Но между данными категориями существует и противоречие, состоящее в том, что значение слова ориентировано на принадлежность данной единицы к системе языка, т. е. отражает также необходимые взаимосвязи между лексическими единицами в рамках плана содержания всего языка, в то время как внутренняя форма ориентирует, главным образом, только на соответствующее значение. Отсюда и наличие в этих двух категориях различных формообразующих и отражательных компонентов.

Средством процесса мотивации, таким образом, становится не значение, а наименование, вернее — его внутренняя форма, которую можно интерпретировать как основу мотивированности.

Разница между ними проявляется также в самостоятельности значения, гипостазировании его функций по отношению к мотивированности языкового выражения. При этом не следует также забывать о разных гносеологических функциях внутренней формы и мотивированности. Внутренняя форма — непременная семантическая характеристика любого слова, «умственный образ» предмета, объективируемый социальным опытом человека и «подсказанный» ему структурными особенностями самого слова. Мотивированность же присуща далеко не каждой лексической единице, а точнее — ее внутренней форме. Семантические слагаемые внутренней формы, возникшие случайно и не нашедшие (resp. потерявшие) отношения с соответствующим лексическим значением, не раскрывают мотивированности слова, а, напротив, уменьшают, ослабляют ее, делают слово в целом ложно мотивированным. Более того, мы убеждены в том, что мотивированность должна быть не просто фиксатором общих характеристик внутренней формы и значения, констатировать наличие семантической связи между ними, но и служить своеобразным индикатором как количественных, так и качественных особенностей этих общих слагаемых, их информационной роли в пределах всего лексического значения.

На уровне мотивированности осуществляется ассоциативная связь между семантическими элементами номинативной единицы и соответствующим лексическим значением. Если же такая связь не реконструируется посредством ментальных операций коммуниканта, то для него слово лишено мотивированности. Незнакомые лексические единицы могут вызвать лишь случайную ассоциативную связь со значением слова, опирающуюся на языковое сознание индивида. Но подобная связь не имеет ничего общего с категорией мотивированности. Внутренняя форма хотя бы

исторически присуща любой лексической единице, в то время как этимологизация слов не способствует обнаружению мотивированности [20, 21]. Следовательно, мотивированность слова всегда является синхронной по отношению к языку, будь то «историческая» или «современная» синхрония [22—28]. Поэтому мы не согласны понимать, как это делает Л. Р. Зиндер, под мотивированностью семантический анализ означаемого, семантическую структуру знака или его внутреннюю форму [29, с. 347]. Можно согласиться с тем, что семантическая структура знака воплощает его внутреннюю форму, однако последняя еще нисколько не предопределяет семантического анализа означаемого, а следовательно, и не обнаруживает еще мотивированности. Недостаточно также понимать под мотивированностью «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» [30, с. 30]. Такое свойство слова может быть характерным для фонетической мотивированности, но кроме нее мы не обнаружим никакой другой семантической связи между звучанием слова и его лексическим значением.

Понятие мотивированности относится только к сложным морфемным образованиям и не характерно для непроизводных слов. В этом проявляется еще одно отличие мотивированности от внутренней формы в нашем понимании. Непроизводные лексические единицы, морфемы могут быть мотивированными только вследствие семантического переноса или звукоподражательных ассоциаций [8, с. 34]. Мотивированность производных единиц выступает в основном как результат целенаправленного словообразовательного процесса, определяемого наличием в лексической единице, помимо ее непроизводной корневой части, хотя бы одного словообразовательного форманта. Сопоставляя мотивированность сложных и производных слов, отметим, что практически все особенности мотивированности дериватов в большей или меньшей степени свойственны и сложным словам.

Мотивированность может иметь различный характер в зависимости от того, какую из сторон анализируемого понятия подчеркивает соответствующее выражение. С. Ульман предлагает различать три вида мотивированности: 1) фонетическую или естественную (например, для междометий), 2) морфологическую, 3) семантическую [31, с. 255]. В соответствии с этой известной классификацией И. С. Торопцев выделяет следующие способы мотивировки: 1) мотивировку подражанием, 2) мотивировку признаком, 3) мотивировку содержанием [22, с. 59—60]. В. Г. Гак называет фонетическую мотивированность абсолютной (или внешней), остальные виды — относительной (или внутренней) мотивированностью. Последняя подразделяется на морфологическую (значение слова вытекает из значения составляющих его частей) и семантическую (значение образуется вследствие переосмысления) [8, с. 34].

Следует подчеркнуть, что классификация видов мотивированности С. Ульмана претерпела значительные изменения и дополнения, порою нерационально усложняющие метаязык лингвистической теории. Кроме указанных видов, многие языковеды предлагают различать лексическую, словообразовательную, синтаксическую и другие виды мотивированности. При этом далеко не всегда проводится четкая и однозначная грань между ними. Так, К. А. Тимофеев считает, что лексическая мотивация касается отдельных слов, образующих словообразовательный ряд, лексическую мотивацию имеют главным образом производные слова, словообразовательная мотивация свойственна всем полнозначным словам, обла-

дающим морфемной структурой [32, с. 33]. В. В. Левицкий определяет связь значения слова и его морфологической структуры как морфологическую мотивированность [33, с. 21]. В. М. Лейчик полагает, что если объясняется новое слово другим словом, на базе которого оно было образовано, то мы имеем дело со словообразовательной мотивированностью [34, с. 30]. М. Д. Степанова утверждает, что семантическая мотивированность слова определяется лексическим значением первичных основ и семантикой той словообразовательной модели, которой соответствует вторичная основа [35, с. 210].

Все это свидетельствует о нечеткости границ между этими видами мотивированности и одновременно является следствием их непосредственной взаимосвязи. Причину некоторой несогласованности и нерационального нагромождения терминов мы видим также в недифференцированности семиотических функций мотивированности и внутренней формы, в отрицании отдельными лингвистами особого категориального статуса последней.

Попытаемся систематизировать главные подходы к определению категории мотивированности и построить ее краткую типологию. Во-первых, нам представляется оправданным различать два плана мотивированности: языковой и речевой. В плане речи мы имеем дело с референтной мотивированностью, которую Г. П. Мельников называет «мотивированностью по смыслу» [36, с. 4]. Речевая мотивированность имеет контекстуальный и нередко даже субъективный характер, поэтому ее исследование относится к кругу вопросов референции. Следует отметить, что данный план мотивированности также тесно связан с языковой мотивированностью, поскольку среди всех возможных признаков денотата можно обнаружить по крайней мере один регулярный и в значительной степени детерминирующий актуальный признак (resp. признаки). Именно такой обязательный, имманентный (хотя бы имплицитно) признак слова должен служить основой для образования внутренней формы лексической единицы.

На языковом уровне мы различаем три вида мотивированности: 1) знаковую (семиотическую), 2) формальную (словообразовательную), 3) содержательную (интенсиональную). Знаковую мотивированность мы понимаем как мотивированность в «слабом» смысле: она свойственна всем лексическим единицам, реально функционирующим в языке в виде языковых знаков. При этом «структура знака не может не быть мотивирована структурой означаемых элементов объективного мира» [37, с. 28—29]. Данный вид мотивированности не требует количественных измерений или логической верификации. Здесь слово мотивируется самим фактом существования и употребления. Дело в том, что в языке не существует абсолютно немотивированных слов. Все они взаимосвязаны с соответствующим значением хотя бы до уровня общей лексико-семантической категории. Кроме этого лексическая единица мотивируется своими системными характеристиками. В терминологической лексике, например, помимо «предметной мотивировки» существует также мотивировка, «включающая термин в систему» [38, с. 84]. Еще Парацельс образно утверждал, что в природе нет скрытых вещей и если даже определенные вещи пребывают в скрытом состоянии, то они все равно не оставлены без внешних видимых знаков с особыми отметинами — подобно тому, как человек, закопавший клад, метит это место, чтобы его можно было найти [39, с. 72]. К этому остается добавить, что всякий клад тем легче обнаружить, не спутать с другими, чем определеннее будет эта

метка. Следовательно, если слово не мотивировано своей предметной соотнесенностью, то его способны мотивировать некоторые системные характеристики, хотя, вполне понятно, желаемой является конкретная соотнесенность формы и содержания языкового знака, предусматриваемая другими видами мотивированности лексических единиц.

Формальную мотивированность мы подразделяем на два типа: 1) мотивированность по внешней форме т. е. фонетическая, абсолютная или эксплицитная мотивированность, например, *хлоп*, *шуршать*, *кукарекать*; 2) мотивированность по внутренней форме.

Природа фонетической мотивированности своеобразна, пределы ее функционирования ограничены. Для языка точных наук, например, она не является типичной. Фонетическая мотивированность одновременно изменчива и субъективна и поэтому в меньшей степени, чем другие виды, допускает подсчеты, трудно поддается точному анализу. Внутренняя форма как апперцептивный образ, определяемый морфемной структурой слова или выражения, предусматривает учет их морфологических и семантических особенностей. Поэтому, говоря о мотивированности во внутренней форме, следует различать соответственно морфологическую и семантическую мотивации.

Морфологическая мотивация определяется прежде всего словообразовательной моделью лексической единицы, в то время как семантическая является результатом взаимоотношений между словообразовательными формантами и основой, между новым и предыдущим значением, между различными модификациями внутренних форм (например, интенсификации, квантификации, указания и т. п.). Различия между морфологической и семантической мотивациями особенно четко проявляются в сложных словах, где структурные особенности отступают на второй план, а определяющую роль играет именно «семантическое прочтение» взаимосвязей между словами-элементами. К семантическому типу мотивации следует отнести также переосмысления, где структурная модель нового образования остается без изменения, т. е. морфологическая мотивация не проявляется. Но учитывая тесную взаимосвязь и одновременно некоторую размытость границ между этими подтипами мотивации, нередко целесообразно их объединить в один тип — семантико-морфологическую мотивацию, всесторонне характеризующую структурно-семантические особенности словообразовательной архитектоники лексической единицы.

В особый вариант семантико-морфологической мотивации мы выделяем аббревиатурные образования и, вслед за Е. С. Кубряковой, считаем, что сокращенные варианты слов или выражений мотивируются их полной формой [7, с. 13]. Условно назовем это явление опосредованной мотивацией. Исключение здесь могут составлять аббревиатуры типа *профорг*, *вуз*, *загс*, почти утратившие признаки сокращения и ставшие полноценными словами. Именно поэтому «тем самым и имплицитное в них не имеет определенной значимости, хотя следы его все же остаются» [40, с. 25].

Будучи основой образования внутренней формы производных и сложных лексических единиц, процесс семантико-морфологической мотивации, протекая на словообразовательном уровне, все же далеко не всегда обусловливает отражение во внутренней форме наиболее релевантных элементов значения. Поэтому нам представляется практически оправданным понятийное разграничение терминов «мотивация» и «мотивированность». Мы считаем, что «мотивация» — целенаправленный процесс,

а «мотивированность» — желаемый результат отражения в лексической единице средствами языка определенного признака (признаков) денотата, входящего (входящих) в корпус признаков его лексического значения. Различая подобным образом понятия мотивировки и мотивированности, И. С. Торопцев пишет: «Не являясь неотъемлемым свойством, мотивированность слов может быть утрачена, чего нельзя себе представить в отношении мотивировки» [41, с. 124]. Таким образом, используя предлагаемые нами термины, всякий процесс создания новой внутренней формы — это одновременно и процесс мотивации, но еще не мотивированность как результат процесса. Заметим, что понятию мотивации здесь соответствует семантико-морфологическая мотивированность, а под мотивированностью подразумевается содержательная (интенсиональная) мотивированность.

На содержательном уровне обнаруживается мотивированность как связующий элемент между внутренней формой и семантическим содержанием языкового знака. Поэтому мы вполне согласны с Р. Бартом, который утверждает, что знак мотивирован, если между означаемым и означающим существует отношение аналогии [42, с. 136]. Содержательная мотивированность характеризует способность внутренней формы отражать наиболее релевантные признаки языкового содержания слова или выражения, т. е. раскрывает ее структурно-семантические особенности в сопоставлении с лексическим значением. Интенсиональная мотивированность синтезированно учитывает как словообразовательную структуру, так и содержательную сторону языкового знака, что предопределяет системное изучение формы и значения. Такая мотивированность определяет степень соответствия внутренней формы лексическому значению, или, говоря терминами теории управления, эффективность и надежность построения внутренней формы. Из этого следует также, что мотивированность (при ее наиболее широком понимании) — это то количество информации, заключенной во внутренней форме, которое нашло отражение в соответствующем значении лексической единицы. Исходя из изложенного, можно предложить следующее определение этого вида мотивированности: содержательная мотивированность — это структурно-семантическая характеристика лексической единицы, эксплицирующая средствами языка рациональную лексико-семантическую связь между значением и внутренней формой данной единицы.

Содержательная мотивированность представляется нам наиболее важным ее видом, ибо одно из условий языкового совершенства — это требование, чтобы мотивированность «была по возможности не внешней и условной, а внутренней и логической, чтобы она вскрывала сущность самого понятия» [43, с. 76]. Е. Вюстер называет данное свойство формы наглядностью понятия или самостоятельной понятностью ее. Разумеется, такое требование особенно существенно для научно-технической терминологии и менее применимо в общеупотребительной лексике.

Исходя из нашего дифференцированного подхода к явлению мотивированности, нельзя считать неправомерным утверждение, что производность слова — это всегда мотивированность его другим однокоренным словом [3, с. 57]. На содержательном (но не словообразовательном) уровне обнаруживаются две неточности такого утверждения. Во-первых, производное слово мотивировано не каким-то одним словом-источником, а всей совокупностью своего морфемного состава. Мы не расчленяем производное образование на мотивирующую и мотивируемую части. Хотя между этими частями и существует отношение «определяющее-определяемое»,

они с одинаковым правом принимают участие в процессе мотивации. Поэтому в качестве мотивированной следует рассматривать всю лексическую единицу, а ее части (морфемы) считать мотивирующими по отношению ко всему данному выражению. Во-вторых, установить словообразовательный состав — это значит определить внутреннюю форму (даже затемненную), которая присуща данному слову в течение всего периода его существования. Мотивированность слова, которая в начальный период его возникновения могла выступать в качестве результата акта мотивации (если внутренняя форма не была «ложно ориентирующей»), в дальнейшем может и не сохраниться в связи с эволюционированием лексического значения. Поэтому В. Матезиус с полным правом утверждает, что мотивированные наименования постепенно переходят в разряд немотивированных, поскольку с течением времени обозначаемая действительность может измениться, хотя она все же будет обозначаться первоначальным названием [44, с. 452—453].

В противоположность внутренней форме, содержательная мотивированность далеко не всегда находится в прямой зависимости от количественного состава основ устойчивого словосочетания. Такое явление особенно характерно для терминологических единиц. Приведем пример. Четырехосновный термин *машина с внутренним самовозбуждением*, обладающий «прозрачной» внутренней формой, дефинируется в словаре следующим образом: «Коллекторная машина, в которой основной магнитный поток создается одной из обмоток ротора» [45]. Сопоставляя термин и его словарное толкование, мы видим, что признаки внутренней формы и лексического значения не совпадают, т. е. термин мотивирован не всем своим морфемным составом. В качестве других примеров можно привести лексические единицы *громоотвод*, *самолет*, *чернорабочий*, *громкоговоритель*, *атом*, *кибернетика*, *живопись* и т. п., где из-за «отставания» внутренней формы от ушедшего вперед лексического значения ухудшаются показатели содержательной мотивированности.

Таким образом, между внутренней формой, мотивацией и мотивированностью обнаруживаются существенные отличия как в гносеологическом, так и в функциональном плане. Попытаемся их систематизировать:

1) мотивация — процесс, внутренняя форма — средство, мотивированность — результат словообразовательного акта;

2) внутренняя форма — регулярная характеристика любого слова, мотивация свойственна не всем единицам языка (она отсутствует, например, в корневых словах), мотивированность — факультативная характеристика в словообразовании, т. е. при наличии одного и того же акта мотивации она может реализоваться или же терять свою актуальность;

3) мотивированность — следствие взаимоотношений между внутренней формой и значением, в то время как мотивация ориентирована главным образом на внутреннюю форму;

4) мотивированность и мотивация — явления синхронии, внутренняя же форма может предполагать также раскрытие этимологии языковых единиц;

5) степень мотивированности меняется в связи с эволюционированием значения слов, в то время как их внутренняя форма более стабильна;

6) мотивированность придает внутренней форме свойство э к з о ц е н т р и ч н о с т и, т. е. обращенности к обозначению, «высвечивания» наиболее ярких сторон денотата;

7) мотивированность и внутренняя форма (как и мотивация) могут отличаться по объему заключенной в них информации.

Исходя из объема информации, можно различить: 1) полную мотивированность внутренней формы (когда форма выражает признак, целиком входящий в значение); 2) частичную мотивированность (когда существует общая для внутренней формы и лексического значения часть языкового содержания единицы); 3) отсутствие мотивированности (ни одна морфема, входящая в состав внутренней формы, не находит соответствия в значении); 4) редко распространенный тип — абсолютную мотивированность (полное совпадение семантических признаков внутренней формы и лексического значения).

Абсолютная мотивированность внутренней формы — весьма редкое явление в языке, что также свидетельствует о его саморегуляционных способностях, поскольку невозможным было бы общение при помощи слов-«монстров», внутренняя форма которых всегда бы совпадала с лексическим значением. Одна из особенностей языка состоит именно в гомоморфном употреблении знаков как реалий, синтезирующих, «впитывающих» целые семантические «сгустки» и конвенционально употребляемых всеми носителями языка. Что же касается полной мотивированности внутренней формы, то тут следует подчеркнуть важность данного явления, поскольку форма, целиком согласованная со значением, больше способствует взаимопониманию, чем форма, включающая «лишние» или нерелевантные для значения характеристики.

Изложение понятия мотивированности было бы неполным, если бы мы не упомянули еще одну ее существенную особенность: содержательная мотивированность по-разному может проявлять себя в зависимости от языкового узуса. В первую очередь это относится к выделению в языке общеупотребительной лексики и научно-технической терминологии. Здесь к языковым единицам предъявляются разные требования относительно их мотивированности, что связано с особенностями функционирования слов в этих слоях лексики. Не менее существенны также отличия содержательной мотивированности в плане микролингвистики. т. е. на уровне индивидуального употребления или восприятия лексических единиц. С полным основанием В. В. Акуленко пишет, что «мотивировка многих терминов и части фразеологизмов по-разному воспринимаются средним носителем языка, образованным человеком и квалифицированным специалистом» [46, с. 55—56].

Вопросы, связанные с этими и другими особенностями проявления мотивированности, весьма важны и еще ждут своего решения. Рассматривая данную проблему, мы не ставили перед собой задачу окончательно решить вопрос соотношения внутренней формы и мотивированности и получить при этом безукоризненные дифиниции затронутых категорий. Нами предпринята попытка терминологически и онтологически разграничить взаимосвязанные понятия и наметить некоторый общий подход к их исследованию. Не исключено, что рассмотренным здесь понятиям мотивации и мотивированности можно дать несколько иную трактовку или терминологически обозначить по-другому. Но бесспорным остается тот факт, что выделенные объекты занимают существенное место в таксономии языка и их исследование лингвистически правомерно. Кроме этого, подобный анализ мотивированности (в первую очередь содержательной) способствует созданию методики ее эксплицитного представления. Это может найти практическое применение, например, при нормализации терминолексики, о чем свидетельствуют некоторые полученные результаты [47].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гамкрелидзе Т. В.* К проблеме «произвольности» языкового знака // ВЯ. 1972. № 6.
2. *Бенвенист Э.* Природа языкового знака // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
3. *Якобсон Р.* В поисках сущности языка // Семиотика / Сост. Степанов Ю. С. М., 1983.
4. *Мельников Г. П.* Теория знака и особенности языкового знака // Изв. Северо-Кавказского Центра высшей школы. Общественные науки. 1977. № 3.
5. *Хазагеров Т. Г.* К вопросу о мотивированной и произвольной связи означающего и означаемого // Изв. Северо-Кавказского Центра высшей школы. Общественные науки. 1977. № 3.
6. *Степанов Ю. С.* Номинация, семиотика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
7. *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.
8. *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977.
9. *Гинзбург Е. Л.* Словообразование и синтаксис. М., 1979.
10. *Лопатин В. В.* Рождение слова. М., 1973.
11. *Маслова-Лашанская С. С.* Из заметок по шведской лексикологии // Уч. зап. Ленингр. ун-та, 1958, № 243. Серия филол. наук. Вып. 2.
12. *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956.
13. *Baldinger K.* Zum Einfluß der Sprache auf die Vorstellungen des Menschen. Heidelberg, 1973.
14. *Gauger H. M.* Durchsichtige Wörter: Zur Theorie der Wortbildung. Heidelberg, 1971.
15. *Karlsson F.* Phonology, morphology and morphophonemics. Göteborg, 1974.
16. *Marchand H.* Studies in syntax and word-formation // Selected articles by Hans Marchand. München, 1974.
17. *Сафарова К. А.* Соотношение мотивировки и значения слова // Уч. зап. Ташкент. гос. пед. ин-та им. И. Низами. Вопросы романо-германской филологии. 1972. Т. 34.
18. *Канделаки Т. Л.* Сематика и мотивированность терминов. М., 1977.
19. *Лотте Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.
20. *Маковский М. М.* Лингвистическая комбинаторика. М., 1988.
21. *Трубачев О. Н.* Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.
22. *Торопцев И. С.* Лексическая мотивированность // Уч. зап. Орловского пед. ин-та. 1964. Т. 22.
23. *Улуханов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
24. *Coseriu E.* Inhaltliche Wortbildungslehre // Perspektiven der Wortbildungsforschung. Bonn, 1977.
25. *Dokulil M.* Zum wechselseitigen Verhältnis zwischen Wortbildung und Syntax // Travaux linguistiques de Prague. Prague, 1964.
26. *Rozwadowski J.* Wortbildung und Wortbedeutung (eine Untersuchung ihrer Grundgesetze). Heidelberg, 1904.
27. *Кияк Т. Р.* О внутренней форме лексических единиц // ВЯ. 1987. № 3.
28. *Leška O.* Zur Invariantenforschung in der Sprachwissenschaft // Travaux linguistiques de Prague. Prague, 1964.
29. *Зиндер Л. Р.* Условность и мотивированность языкового знака // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.
30. *Блинова О. И.* Термин и его мотивированность // Терминология и культура речи. М., 1981.
31. *Ульман С.* Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970.
32. *Тимофеев К. А.* Смысловая структура слова и его словообразовательное значение // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. IV. Новосибирск, 1975.
33. *Левицкий В. В.* Виды мотивированности слова, их взаимодействие и роль в лексико-семантических изменениях // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. М., 1969.
34. *Лейчик В. М.* Люди и слова. М., 1982.
35. *Степанова М. Д.* О словообразовательных моделях: на материале современного немецкого языка // Как подготовить интересный урок иностранного языка. М., 1963.

36. *Мельников Г. П.* Типы мотивированности языковых знаков // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
37. *Зильберт Б. А.* Мотивированность языковых знаков: опыт типологии // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976.
38. *Капанадзе Л. А.* О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965.
39. *Фуко М.* Слово и вещи: Археология гуманитарных наук. М., 1977.
40. *Багдасарян В. Х.* Проблема имплицитного: Логико-методологический анализ. Ереван, 1983.
41. *Торопцев И. С.* Язык и речь. Воронеж, 1985.
42. *Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
43. *Вюстер Е.* Международная стандартизация и техника. М., 1935.
44. *Матезиус В.* Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
45. Международный электротехнический словарь. Группа 10: Машины и трансформаторы. М., 1958.
46. *Акуленко В. В.* Лексические интернационализмы и методы их изучения // ВЯ. 1976. № 6.
47. *Кияк Т. Р.* К проблеме мотивированности научно-технических терминов // Структурно-семантические особенности отраслевой терминологии. Воронеж, 1982.